

Москва, всегда. — 1995. — 27 лет. — с. 4.

«Певец офицерской чести»

Валерий НОВИКОВ
капитан 1 ранга

Отношение русской интеллигенции к судьбам русской же армии — тема, крайне актуальная сегодня. Впрочем, актуальной она была и на заре XX века, когда нашла свое яркое отражение в творчестве и жизненной судьбе А.И.Куприна.

Куприн? Почему именно он? Да потому хотя бы, что — русский дворянин, сам бывший кадровый офицер — он (по словам В.Князева) повестью «Поединок» «нанес царской русской армии в тысячу раз более страшный удар, нежели тот, что нанесли японцы под Цусимой русскому флоту». А вслед за тем воспел героизм остатков русской армии, став редактором штабной фронтовой (генерала Юденича) газеты «Привенский край»!..

Любопытно, однако, что вопреки очевидным извещениям в своих политических пристрастиях (а может быть, как раз благодаря им) Куприн в конечном счете оказался вдруг «дорог и жизненно необходим своим внукам и правнукам...» (К.Чуковский).

1905 ГОД. Русская армия, заливаясь кровью, сражается в Манчжурии и на сопках Порт-Артура; немецкий поэт Рудольф Грейнци пишет песню о легендарном «Варяге»; моряки российского императорского флота горят и тонут в водах Желтого моря и в Цусимском проливе... А что же русская творческая интеллигенция, призванная творить дух и сознание народа?

Единственный достойный ее представитель, 60-летний художник Василий Васильевич Верещагин, погиб 31 марта 1904 г. на броненосце «Петропавловск» вместе с царским адмиралом (сыном простого боцмана) С.О.Макаровым. Бальмонты же и Северянины, Блоки и Черные, Андреевы и Горькие «творили» в глубоком тылу, обличая язвы строя и призывая народ в будущий демократический рай...

Ну да бог с ними. «Штатские» эстеты-эрудиты, с ними много ли возьмешь? Другое дело — бывший поручик 46-го Днепровского полка 35-летний Александр Куприн. Начав работу над «Поединком» в 1902 году, именно весной 1904-го он резко «увеличил обороты». И хотя предназначалась повесть для журнала «Мир божий» (?!), она уже в рукописи была переведена на немецкий, французский, а затем на итальянский, польский и шведский языки. (Так что о новаторстве советских «шестидесятников» с их «Континентами» и «Посевами», фондами Сороса и премиями Букера не может быть и речи!). Выход повести в свет, в 6-м сборнике «Знания» (?!) за 1905 год, совпал с трагедией Цусимы.

Интересен отзыв о «Поединке» Максима Горького («Великолепная повесть Куприна содействовала росту политической сознательности армии»). Еще более интересен — Анатолия Луначарского. Будущий наркомпрос писал: «Повесть находится в офицерстве «голос настоящей чести»... Странно, однако, что среди офицеров 46-го Днепровского пробудила эта повесть нечто другое — они направили автору-сослуживцу... протест! Многие офицеры («реакционная военщина») на страницах военных журналов «Разведчик», «Военный голос», «Русский инвалид» квалифицировали «Поединок» как «фактор подрывной

пропаганды, в которой простой народ натравливается на войско, солдаты на офицеров, а эти последние — на правительство» (см. Дрозд-Бонячевский, «Поединок» с точки зрения строевого офицера», СПб, 1910, с.1).

Эти оценки трудно оспорить сегодня, тем более если вспомнить провокационные пророчества Куприна. Было среди них и такое: «Настанет время... когда нас, господ штаб- и обер-офицеров, будут бить по щекам в переулках, в темных коридорах, в ватер-клозетах, когда нас... наконец (?!) — В.Н.) перестанут слушаться наши преданные солдаты. И это будет... за то, что мы, начальственные дармоеды, покрывали во всех странах и на всех полях сражений позором русское оружие, а наши же солдаты выгоняли нас из кукурузы штыками». Каково! А ведь писалось это после того, как стал известен процент потерь среди русских офицеров в японской войне (он составил 30%, между тем как среди солдат — 20%; убитых среди офицеров было 4,1%, среди рядовых — 2,7%)!

Относительно художественных достоинств повести резче всех высказался Валерий Брюсов. Он характеризовал «Поединок» как «художественно слабую, написанную по старым шаблонам вещь»: «самые лучшие сцены — не более чем анекдоты из солдатской и офицерской жизни»... Не исключено, что именно за «антианекдотический подход» к освещению армейской темы Брюсов и получил от тогдашних демократов ярлык «эстетствующего» (как А.Проханов от нынешних — «соловей Генштаба»).

В 1906 году в «Мире божьем» был напечатан очередной рассказ Куприна «Штабс-капитан Рыбников» — по мнению автора, лучшее его произведение. Но и здесь не обошлось без «подпольной пропаганды»: сюжет «Рыбникова» строится на том, что благородного, самоотверженного рыцаря японской разведки (!) разоблачает русская проститутка и ее приятель — нечистоплотный сыщик. Выходит, вчерашнего врага представляют очень-очень хорошие люди, а наши, конечно же, сплошь аморальные типы?

Куприн наращивал «революционный натиск». В декабре 1907 г. российский читатель ознакомился с его «Гамбринусом». «Светлые, праздничные, ликующие дни» — так живописал литератор события первой русской

только «девушка 905-го» (Розалия Землячка) спустя 15 лет, после ухода Врангеля, приказала уничтожить 40 тысяч (!) русских офицеров и солдат, оставшихся в Крыму...

ЧТО ЖЕ, спросит читатель, делал Александр Иванович после 1917 года, когда «светлые и ликующие дни», наконец, наступили окончательно? Следуя традиции всех выдающихся литераторов-демократов, уложил в оба кармана громадные фиги большевистской власти и засел на даче под Гатчиной в смертной обиде на белых офицеров, которые не спешили извинить его от коммунистического ига.

Но пришла Белая армия, спасла Александра Ивановича с домочадцами от неминуемой гибели в чекистских застенках. И вот тут произошел знаменательный (и не последний!) кульбит записного демократа. Он нанялся на работу к... «реакционным» российским военным (за что и получил от Демьяна Бедного кличку «заклятый враг Советской власти»). Когда изгнали и Юденича, и нашего странного «демократа-монархиста» с русской земли, бедовал в столице бывшей чухонской губернии Российской империи (которую так дерзновенно разрушал). Летом же 1920 года двинул стопы в Париж.

Но, оказалось, Париж его не ждал («Живем в том же полуподвальном этаже. Уже десятый год!»; «Остался голый и нищий, как старая бездомная собака», — жаловался писатель И.Заикину и своей сестре). Попытки четы Куприных заработать на кусок хлеба трудами рук своих успеха не имели: через полгода и переплетная их мастерская, и библиотека стали «непосильным трудом». «Дело пришлось ликвидировать с убытком» (из письма тому же Заикину в декабре 1926 г.).

«Объевшись» «демократических свобод и всевропейской славы», «певец офицерской чести» возвратился... в СССР! В 1937 году. То есть именно тогда, когда уже и на Западе было известно кое-что про СЛОИ и Беломор-канал, ГУЛАГ и Колыму, а кости самых «р-р-революционных» демократов догнивали под кумачовыми флагами победивших завсегдаев «Гамбринуса».

Вернувшись на зов «заклятых врагов», Куприн еще успел заключить с «Мосфильмом» договор об экранизации «Гамбринуса» и «Штабс-капитана Рыбникова» и умер, не вынеся в конце концов собственного двуличия.

Портрет А.И. Куприна в СССР, 1937 г.

революции. «Забыв» при этом, что в «ликующие дни» 1904-1907 гг. 97 тысяч государевых слуг — от дворян до генерал-губернаторов — подвергли революционным трепам!

Впрочем, впоследствии автор наблюдал воочию, что проделали с Россией «люди с горящими глазами», «молодые красивые девушки», говорившие в том числе о «пламенной надежде» и «великой любви». Одна

Впрочем, вопрос еще: можно ли здесь говорить о двуличии? Или Куприн вполне искренне демонстрировал позицию, внутренне присущую всей «передовой интеллигенции»?..

Не знаю. Однако, глядя на теперешние кульбиты «так называемых демократов» — в том числе по отношению к российской армии, — я нет-нет да и ловлю себя на мысли, что это действительно так.